

роев с чертами денди, где нет нового эталона денди, но наличествует определенный архетип, восходящий к некоторым историческим и литературным героям. В творчестве Леонтьева происходит преломление тем андрогинности, нарциссизма, присутствует всеподчиняющий эстетизм. Денди, доживший до стадии религиозной, — вот Леонтьев в последние годы жизни.

С приветственными словами к участникам конференции обратились главный ученый секретарь Леонтьевского философско-богословского общества (Москва) В. Г. Леонтьев и заместитель председателя Отдела религиозного образования и катехизации Московской патриархии игумен Петр (Пиголь). Интересным и запоминающимся был рассказ московского краеведа И. М. Черваковой о собранных ею на родине Леонтьева записях рассказов крестьян. Состоялось оживленное обсуждение докладов, в котором приняли участие К. М. Долгов, А. В. Ефремов, В. Г. Леонтьев, Е. Н. Монахова и др. П. В. Бекедин особо отметил отрядный факт обращения молодых ученых к изучению наследия Леонтьева. Е. В. Иванова подчеркнула в своем выступлении, что конференция показала актуальность изучения консервативных мыслителей, а многие доклады заставили

по-новому посмотреть на личность Леонтьева. В. А. Котельников подвел итоги двухдневных научных заседаний.

Заключительный день конференции проходил в музее-квартире А. Блока (филиал Государственного музея истории С.-Петербурга). Начался этот день с автобусной экскурсии «К. Леонтьев в Петербурге», которую провела О. Л. Фетисенко. Выбор места проведения дня памяти Леонтьева был обусловлен не только любезным согласием музея стать соучредителем конференции, но и тем, что, как установила О. Л. Фетисенко, К. Леонтьев бывал в доме на Офицерской, 57, где позднее поселился А. Блок. Он в 1878 году посещал жившего здесь своего приятеля — писателя и литературного критика Вс. С. Соловьева, старшего брата Вл. Соловьева.

Участники конференции ознакомились с выставкой «Итальянское путешествие А. Блока: культура и цивилизация», работавшей в те дни в музее. Вечером здесь же, в музее, состоялась презентация вышедших томов Полного собрания сочинений и писем К. Леонтьева и монографии К. А. Жукова «Восточный вопрос в историософской концепции К. Н. Леонтьева».

© А. С. Александров

ТРЕТЬИ ЛИХАЧЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ (МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ»)

Прошедший 2006 год был годом столетия академика Д. С. Лихачева. Пожалуй, главным научным событием юбилейного года стала Международная конференция «Культурное наследие Древней Руси», проходившая 27—30 ноября в рамках Третьих Лихачевских чтений.¹ Организована конференция была Отделом древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, во главе которого без малого полвека до последних дней своей жизни стоял академик Д. С. Лихачев. В конференции приняли участие ученые из десяти стран. Кроме исследователей из разных городов России (Москвы, Нижнего Новгорода, Новосибир-

ска, Орехово-Зуева, Орла, Петрозаводска, Пскова, Феррапонтова), в Санкт-Петербург приехали коллеги из Болгарии, Германии, Италии, Польши, США, Украины и Японии.

Конференцию открыла заведующая Отделом древнерусской литературы Пушкинского Дома, доктор филол. наук Н. В. Поньрко, которая отметила, что для научного сообщества Дмитрий Сергеевич остается прежде всего ученым, создавшим свою научную школу, которая по праву называется текстологической школой Лихачева: «Мы специально избрали столь широкий диапазон конференции — „Культурное наследие Древней Руси“, чтобы собрать здесь как можно больше последователей этой школы, людей, любивших Дмитрия Сергеевича, ценивших его труды».

Первое заседание конференции было в основном посвящено трудам Д. С. Лихачева в области изучения русской литературы. Профессор СПбГУ М. В. Рождественская (доклад «Книга Д. С. Лихачева „Человек в литературе Древней Руси“ и история русской литературы») рассмотрела одну из наиболее принципиальных работ Д. С. Лихачева в контек-

¹ О Первых и Вторых Лихачевских чтениях см.: *Семячко С. А.* Первые Лихачевские чтения (Международная конференция «Христианство и древнерусская литература») // *Русская литература.* 2001. № 2. С. 222—229; *Ромодановская В. А., Семячко С. А.* Вторые Лихачевские чтения (Международная научная конференция «Историческое повествование в Древней Руси») // *Русская литература.* 2004. № 2. С. 267—277.

сте изучения истории русской литературы в целом. «С точки зрения современных дискуссий о том, как писать историю литературы и надо ли ее писать вообще, — сказала докладчица, — во многих своих положениях эта книга Д. С. Лихачева остается все еще *непрочитанной*. Многие в ней, как было подчеркнуто самим автором, только намечено и приглашает к дальнейшим разысканиям. Многие дало материал для написания будущей „Поэтики древнерусской литературы“». Проследив сюжет книги Д. С. Лихачева, выстроенный по хронологически «перевернутому» кольцевому принципу, М. В. Рождественская показала основные методологические принципы работы ученого, позволившие ему выявить всю сложность и неоднозначность изображения человека древнерусскими книжниками. Кроме того, подчеркнула докладчица, в этой книге существует еще один «человек в литературе Древней Руси» — не только тот, о ком пишут средневековые авторы, но и тот, кто пишет, т. е. сами эти авторы, книжники, редакторы и переписчики. Этот «второй человек» выступает на страницах книги Д. С. Лихачева неявно, но он все время присутствует в ней. А значит, название монографии Лихачева можно понимать глубже: человек в литературе Древней Руси — это и ее автор, и ее герой. Написанная в рамках высокого академизма и одновременно живого разговора с читателем, без которого нет движения настоящей науки, книга эта заставляет видеть всю историю русской литературы чуть зорче, сказала в заключение докладчица.

Доктор филол. наук А. Г. Бобров (ИРЛИ) посвятил свой доклад теме «Д. С. Лихачев как исследователь новгородских летописей». Докладчик отметил, что летописание не только было первой крупной научной темой Д. С. Лихачева, но оставалось в кругу его первоочередных интересов на протяжении всей жизни. В кандидатской диссертации «Новгородские летописные своды XII в.» (1941), а также в книге «Русские летописи и их культурно-историческое значение» (1947) и в статье «„Софийский временник“ и новгородский политический переворот 1136 г.» (1948) Д. С. Лихачевым было обосновано существование пришедшего в 1136 году на смену княжеской летописи владычного летописания, создателем которого ученый считал Кирика Новгородца и полагал, что именно он автор написанного в том же 1136 году подготовительного для ведения летописания труда — «Учения, имже ведати числа всех лет». Переход ведения новгородского летописания от князя к владыке объяснялся Д. С. Лихачевым изменениями в государственном управлении Новгорода в те же годы и дополнительно аргументировался привлечением широкого историко-культурного контекста, свидетельствующего о синхронных переменах в новгородском искусстве, а также анализом упоминания индиктов и «точ-

ных дат» в новгородском летописании. Категория времени вообще глубоко интересовала Д. С. Лихачева на протяжении многих десятилетий. Еще в юности он выработал собственное мировоззрение, и заключалось оно именно в особой «концепции времени». Сквозь всю жизнь Д. С. Лихачев пронес убеждение, что время относительно и субъективно, а следовательно, изменчиво и разнообразно. Это позволило ему в «Поэтике древнерусской литературы» глубоко проанализировать жанровые и индивидуальные особенности художественного времени, увидеть его историческое развитие. Переход от юношеского увлечения проблемой времени к исследованию древнерусского летописания был для Д. С. Лихачева вполне естественным. Специфика летописного времени, в свою очередь, могла быть понята только в рамках проблемы «художественного времени» в целом, которое рассматривалось им как борьба «за бессмертие художественного произведения, за преодоление им реального времени».

Доклад «Проблема русского Предвозрождения в трудах Д. С. Лихачева» доктора филол. наук А. Х. Горфункеля (США, Бостон), не смогшего приехать в Петербург, прочитал Г. В. Маркелов. Доклад представлял собой ответ на некоторые мысли о русском Предвозрождении, высказанные Д. С. Лихачевым в ряде книг, статей и докладов. По мысли докладчика, идея русского Предвозрождения появилась в работах Д. С. Лихачева под несомненным влиянием исследований Н. И. Конрада. Однако, изучая русскую культуру XIV—начала XV века Д. С. Лихачев оказался гораздо умереннее, чем его коллеги. Он использует более осторожный термин «Предвозрождение», имея в виду иное историко-культурное понятие, которое не только не совпадает с культурой западноевропейского Ренессанса, но существенно отличается от него. Суть полемики между Д. С. Лихачевым и А. Х. Горфункелем заключается в том, что если первый считал эмоциональность в искусстве, иррационализм, экспрессивность, динамизм, мистический индивидуализм чертами русского Предвозрождения, то второй полагает, что эти черты не выходят за пределы художественных достижений русского «средневековья». Другим ярким проявлением «предвозрожденческой» культуры Д. С. Лихачев считал идущее от Византии богословское и идеологическое движение исихазма. А. Х. Горфункель же считает, что гораздо ближе к истине оказались те исследователи, которые противопоставляли богословское, философское и литературное движение исихазмов, как в Византии, так и в восточнославянском мире, европейскому Возрождению. Анализируя мысль Д. С. Лихачева о том, что русское Предвозрождение не стало Возрождением, так как на Руси того времени не произошла секуляризация культуры, А. Х. Горфункель подчеркнул, что секуляризацию не

стоит понимать слишком буквально. Культура Возрождения не отказывалась от религии. Речь должна идти скорее об иной, не средневековой религиозности. Рассмотрев эти и другие аспекты полемики с Д. С. Лихачевым, А. Х. Горфункель заключил: развитие идей Д. С. Лихачева и полемика с высказанными им предположениями свидетельствуют только о том, что мы продолжаем относиться к нему как к живому участнику современных научных исследований.

В докладе канд. филол. наук Ю. М. Прозорова (ИРЛИ) «Д. С. Лихачев — исследователь русской литературы Нового времени» были рассмотрены работы ученого, посвященные проблемам литературной истории XIX—XX столетий, показаны источники его устойчивого интереса к художественной классике «золотого» и «серебряного» веков русской литературы. Один из этих источников, и, может быть, наиболее заметный, — биографический. Русская литература Нового времени вызывала у Д. С. Лихачева отношение одновременно историческое, и «домашнее». В годы своей молодости он воспринял ее как наследие, уже отодвинутое за исторический рубеж революции, но еще близкое и живое. Не последнюю роль в изучении русской литературы классических эпох сыграла у Д. С. Лихачева и позиция мемуариста, очевидца уходящей реальности, старого петербуржца. Другим источником занятий ученого русской литературой Нового времени оказалась, как это ни парадоксально, специализация медиевиста. Будучи специалистом по истории словесной культуры русского средневековья, он испытывал постоянную потребность в соотнесении древнерусского материала, зачастую малоизвестного, погруженного «во тьму времен», с более понятным современному сознанию и более изученным материалом литературы новой, прежде всего XIX века. Эти параллели между древним и новым, сопоставления и противопоставления проливали свет на сложность и своеобразие предмета изучения, служили приемом дифференциации культурных традиций, не говоря о том, что наращивали фактический базис еще недавно дискуссионных представлений о единстве русского культурного процесса. У творческих обращений Д. С. Лихачева к русской литературе XIX—XX веков был, наконец, и третий источник, возможно, не менее важный, чем два первых. Это современное ему филологическое движение, наука о литературе, многие идеи которой, даже неся в себе общетеоретическое значение, вырастали на основе художественных явлений Нового времени. Д. С. Лихачев испытывал повышенный интерес к процессам освобождения искусства от искусственности, художественной формы от условности и автоматизированности, к проблемам адекватности литературных образов явлениям жизни, к возможностям свободного функционирования содержания в литературе, к тому, что породило в

русской литературе феномен, названный им «стыдливостью формы». Между тем не лишено значения, что прочтение русской литературы XIX—XX веков в свете подобного рода представлений тесно связано с собственно филологической проблематикой 1920-х годов, с теоретическими мотивами «формальной школы». Д. С. Лихачев, отметил Ю. М. Прозоров, никогда не принадлежал к кругу «формалистов» и не был таковым. Но в этой гуманитарной среде эпохи своей молодости он почерпнул немало и из арсенала филологической культуры, и из тем своих размышлений о русской литературе.

Академик С. О. Шмидт (Москва) вновь вернулся к теме «Д. С. Лихачев и Москва», которой ему уже приходилось касаться ранее. Коротко остановившись на актуальной в последнее время истории полемики о подлинности «Слова о полку Игореве», он выразил признательность «секторьянам» (как часто называют учеников и последователей Д. С. Лихачева, работающих в Отделе, ранее Секторе, древнерусской литературы) и особенно О. В. Творогову за ту роль, которую они сыграли в истории издания книги А. А. Зимина. То «зловредное», по определению докладчика, обсуждение доклада А. А. Зимина не было лысенковщиной. Это была научная полемика, и Д. С. Лихачев, будучи последовательным научным противником А. А. Зимина, настаивал на необходимости издания его книги. В основной части своего доклада С. О. Шмидт коснулся двух аспектов: Москва в научном творчестве Д. С. Лихачева и Д. С. Лихачев в культурной жизни Москвы.

Вторая часть утреннего заседания была посвящена памятнику, занимавшему особое место в трудах Д. С. Лихачева — «Слову о полку Игореве». Канд. филол. наук Л. В. Соколова (ИРЛИ) начала свой доклад («Д. С. Лихачев в споре о подлинности „Слова о полку Игореве“») с того, что в публикациях и выступлениях, касающихся спора о подлинности «Слова о полку Игореве» в 1960-е годы, нередко допускаются фактические ошибки и нелепые обвинения в адрес Д. С. Лихачева. В качестве примера докладчика сослалась на интервью И. Н. Данилевского на радиостанции «Эхо Москвы» в августе 2006 года в связи с выходом книги А. А. Зимина «Слово о полку Игореве», представляющей собой переработанный и дополненный вариант рукописи, обсуждавшейся в Отделении истории в мае 1964 года.² Основываясь на архивных материалах, опубликованных и еще ждущих своей публикации, Л. В. Соколова опровергла необоснованные обвинения в адрес Д. С. Лихачева и обрисовала истинную картину событий, происходивших в 1960-е годы. В частности, было подтверждено докумен-

² Зимин А. А. «Слово о полку Игореве» / Отв. ред. В. Г. Зимина и О. В. Творогов. СПб., 2006.

тально, что сотрудники Отдела древнерусской литературы Пушкинского Дома всегда были единодушны в том, что книгу А. А. Зимина необходимо издать. Не случайно книга А. А. Зимина подготовлена к изданию участником дискуссии 1960-х годов сотрудником Отдела древнерусской литературы Пушкинского Дома О. В. Твороговым.³

Доктор филол. наук Ф. Б. Успенский (Институт славяноведения и балканистики) прочитал доклад «Овлур-Лавор: еще раз о русской двуименности и о человеке, спасшем князя Игоря из половецкого плена». Указав на случаи упоминания в средневековых памятниках как христианского, так и нехристианского имени одного человека, докладчик поставил вопрос, существовала ли связь, фонетическая и семантическая, между двумя такими именами, подчеркивая, что идея бесконтактности двух имен не должна быть аксиомой даже для раннехристианского периода. В «Слове о полку Игореве» дважды упоминается Овлур (Влур), «родом половчин». Его упоминание здесь связано с конской тематикой. В Ипатьевской летописи имя этого персонажа выглядит иначе — Лавор. Лавр — христианское имя, также связанное с конской тематикой. По мнению докладчика, у героя изначально было имя Овлур. Нельзя исключать, что составитель летописи заменил незнакомое имя на привычное. Но в предыдущей статье летописи сообщается, что Игорь привез с собой «попа». Следовательно, можно думать, что Овлур поменял не только родину, но и веру. Хотя ношение христианского имени еще не свидетельствует о крещении: половцы иногда просто перенимали у русских князей их имена. Однако в этой части летописи присутствуют агнографические мотивы. Овлур оказывается носителем христианской добродетели. И христианское имя Лавр подходит ему как фонетически, так и семантически.

Последним на утреннем заседании выступил Ацую Накадзава (Япония, Тояма) с докладом «„Повесть о доме Тайра“ и „Слово о полку Игореве“». Отметив, что Ё. Накамура уже сопоставлял эти произведения с точки зрения изображения цвета, исследователь расширил сопоставительный ряд. Он сопроводил свой доклад иллюстративными материалами, в частности демонстрацией исполнения фрагмента «Повести о доме Тайра».

На вечернем заседании первым выступил доктор филол. наук О. В. Творогов (ИРЛИ) с докладом «Каталог рукописей и каталог памятников: два пути решения одной проблемы». Докладчик отметил, что за последние полвека достигнуты впечатляющие успехи в описании репертуара древнерусской

книжности. Завершен семитомный «Словарь книжников и книжности Древней Руси», составлены исчерпывающие перечни рукописей XI—XIV и XV веков, вышли в свет два выпуска фундаментального «Сводного каталога славяно-русских рукописных книг XI—XIV вв.». Однако наряду с созданием каталогов рукописей может быть предложен и другой путь освоения рукописного наследия — составление сводного каталога памятников. В такой каталог должны включаться все произведения, сохранившиеся как в отдельных списках, так и в сборниках, при этом в каждом случае должны быть перечислены все сохранившиеся списки, указаны инципиты произведений, приведены сведения об их изданиях и основных исследованиях текстологического и археографического характера. Такой каталог, охватывающий памятники, дошедшие до нас в списках XI—XIV веков, составлен докладчиком. Он включает 14 тематических разделов, в которых зарегистрировано более полутора тысяч памятников — все, что дошло до нас в рукописях указанного периода. Каталог сопровождается указателем инципитов, что позволит быстро обнаружить интересующий исследователя текст. Каталог публикуется в «Трудах Отдела древнерусской литературы».⁴ Особо докладчик остановился на проблеме отражения сведений о памятниках, сохранившихся лишь в поздних списках. По его мнению, этот неизбежно гипотетический материал не должен сливаться с каталогом реально дошедших списков, но тем не менее должен быть описан, что позволит создать более объективную картину объема и характера древнерусской книжности старшего периода.

Логическим продолжением первого доклада стал доклад профессора Роланда Марти (Германия, Саарбрюккен) «Церковнославянская письменность и(или) древнерусская литература». Его доклад был направлен против модернистского подхода к древнерусской литературе, подхода с точки зрения человека современного. Составляющими такого, как выразился автор, «первородного греха» является выделение литературы из общего письменного наследия на основании критерия художественности; разграничение переводных и оригинальных произведений и предпочтение непереводных, при том что они составляют подавляющее меньшинство в фонде древнерусской письменности; определение авторов и авторского стиля. Решение обозначенной им таким образом проблемы докладчик видит в расширении материальной базы исследований, уточнении объема славянской письменности и выявлении ее связей с иноязычным окружением, в первую

³ Расширенный текст доклада Л. В. Соколовой помещен на сайте Отдела древнерусской литературы ИРЛИ (odrl.pushkinskij-dom.ru).

⁴ Творогов О. В. Древнерусская книжность XI—XIV веков: Каталог памятников // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 56. С. 3—45; 2006. Т. 57. С. 368—430; 2008. Т. 59 (в печати).

очередь с греческой письменностью (чему, впрочем, препятствует неизученность и неизданность памятников поздней греческой традиции).

Профессор Джорджо Дзиффер (Италия, Удине) в докладе «„Слово о Законе и Благодати“: между текстологией и критикой текста» обратил внимание слушателей на то, что западная «критика текста» была более разнообразной и пестрой, чем она описана Д. С. Лихачевым. Рассматривая «Слово о Законе и Благодати», он говорил не о редакциях этого памятника, а о группах, основное внимание уделял проблеме интерполяций.

Профессор СПбГУ А. А. Алексеев в начале своего доклада «Библейский канон на Руси» обратил внимание на то, что даже сегодня православная церковь в своих изданиях Библии не дает четкого разграничения библейских книг относительно их принадлежности к канону, под одной обложкой печатаются книги канонические и неканонические. Исследователь остановился на десяти пунктах, в которых древнеславянская книжность отстает от канона, как он понимается в настоящее время. Говоря о библейском каноне Древней Руси, подчеркнул докладчик, нужно подходить к этому вопросу исторически, а не подгонять материал под протестантский канон 1534 года или католический 1546 года.

Продолжением темы стал доклад канд. филол. наук И. Н. Лебедевой (БАН, РНБ) «Третий славянский перевод библейской книги пророка Даниила в древнерусской письменности», посвященный как раз одной из неканонических книг Священного Писания.

Алессандро Мария Бруни (Италия, Рим) в докладе «Проблемы изучения славянской редакции Слов Григория Назианзина» рассмотрел вопрос о происхождении перевода толкований Никиты Ираклийского на 16 Слов Григория Богослова. Докладчик охарактеризовал два славянских перевода. Первый он датировал временем не раньше 1117 года и не позже последних десятилетий XII века. Исследователь склонен считать этот перевод русским, хотя и не видит стопроцентных доказательств этому. Второй — охарактеризовал как результат деятельности среднеболгарской афонской исихастской школы XIV века.

Последним в этот день был заслушан доклад канд. искусствоведения Н. В. Пивоваровой (ГРМ) «Памятники древнерусского искусства в Музее Общества любителей древней письменности». Она рассказала об истории создания музея, основу собрания которого составили иконы поморского письма. Исследовательница охарактеризовала основные коллекции музея: иконы, прикладное искусство, прориси и иконописные подлинники (в число последних входил и знаменитый Сийский иконописный подлинник). Докладчица завершила свое выступление рассказом

о закрытии Общества и его музея в послереволюционные годы.

В завершении заседания профессор Вюрцбургского университета Кристиан Ханник представил два издания,⁵ которые он передал в библиотеку Отдела древнерусской литературы.

В этот день в качестве стендовых были представлены четыре доклада. Канд. филол. наук Т. И. Афанасьева (СПбГУ) предложила доклад на тему «„Толковая служба“ — древнерусская компиляция толкований на литургию: состав и источники». Исследование состава и источников «Толковой службы» показало, что этот памятник письменности является русской компиляцией толкований на литургию в составе Кормчей книги, которая формировалась в три этапа на период 1279—1305 годов. Из кормчих эта компиляция стала переписываться в разного рода сборники, древнейший из которых датируется второй половиной XIV века. В состав компиляции вошли краткие и весьма ранние толкования на литургию, толкования отдельных молитв и песнопений литургии, толкования символики храма, церковной утвари и церковной иерархии, известные в составе различных сборников, и прежде всего в «Златой Цепи».

Доклад канд. филол. наук Н. И. Милютенко (СПбГУ) назывался «Сатана в „Речи философа“ из „Повести временных лет“». Автор доклада предположила, что «Речь философа» была включена уже в начальный летописный свод, поскольку она читается не только в «Повести временных лет», но и в Новгородской I летописи младшего извода. В 80-е годы XI века этот памятник уже существовал, так как отразился в «Чтении о Борисе и Глебе» Нестора, созданном в 1081—1083 годах. По мнению исследовательницы, «Речь философа» первоначально была самостоятельным текстом, позднее связанным летописцем с историей обращения князя Владимира; весь исторический материал в ней подобран так, чтобы доказать взгляд на мировую историю как на борьбу сатаны с Богом. Н. И. Милютенко рассмотрела вопрос о композиции и источниках «Речи философа».

В докладе Т. Л. Вилкул (Украина, Киев) «„Александрия хронографическая“ и „История иудейской войны“ Иосифа Флавия в Киевском своде XII в.» были проанализированы

⁵ *Hannick C. Das altslavische Hirmologion: Edition und Kommentar. Freiburg: Weiher Verlag, 2006 (Monumenta linguae slavicae. T. 50); Das byzantinische Eigengut der neuzeitlichen Menäen und seine griechischen Original / Erarbeitet von P. Plank und C. Lutzka; Herausgegeben von C. Hannick. Paderborn; München; Wien; Zürich: Verlag Ferdinand Schöningh, 2006. T. 1—2 (Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften. Bd 112; Patrica slavica. Bd 12).*

отдельные фрагменты киевской летописи, отмеченные так называемым эффектом присутствия. Исследовательница показала, что этот эффект возник не за счет того, что повествователь сам лично присутствовал при совершении события или же узнал о нем от прямых свидетелей и очевидцев, а за счет заимствования из авторитетных источников или моделирования по ним; в рассмотренных случаях этими источниками были Александрия хронографическая и История иудейской войны Иосифа Флавия.

Доктор исторических наук Е. К. Пиотровская (С.-Петербургский Институт истории РАН) обратилась в своем докладе к пониманию Д. С. Лихачевым категории жанра как категории исторической. С точки зрения исследовательницы, выдвинутые Д. С. Лихачевым положения могут быть соотносимы и с произведениями юридического характера. В своем докладе «О композиции компиляции „Книги Законных“» Е. К. Пиотровская высказала предположение о возможном влиянии композиционного канона Четвероевангелий (полных апракосов) на компиляцию переводного юридического памятника «Книги Законных».

День рождения Дмитрия Сергеевича, 28 ноября, начался с поездки участников конференции в Комарово на его могилу, где была отслужена панихида. Вечернее заседание открыл один из лучших фильмов о Д. С. Лихачеве — фильм В. Б. Виноградова «Д. С. Лихачев. Я вспоминаю». С воспоминаниями о Д. С. Лихачеве выступили автор фильма В. Б. Виноградов («Игра в карты с академиком»), М. С. Серебрякова («Д. С. Лихачев и Ферапонтово»), болгарская журналистка Калинка Канева («Д. С. Лихачев в Болгарии»), протоиерей Леонтий Пименов («Встречи с Д. С. Лихачевым в старообрядческой московской митрополии»), О. А. Белоброва («Из воспоминаний о Д. С. Лихачеве»). В. Н. Стоминок, глава издательства «Logos» представила выпущенное к юбилею второе, дополненное, издание книги «Дмитрий Лихачев и его эпоха».⁶ Последним аккордом этого чрезвычайно насыщенного в эмоциональном отношении дня было «Музыкальное приношение» — в исполнении Академической Капеллы Санкт-Петербурга под управлением В. А. Чернушенко прозвучали русские народные песни.

Утреннее заседание 29 ноября открылось докладом брата Адальберто Майнарди (Италия, Бозе) «Понятие времени в древнерусской агиографии. Некоторые заметки о поэтике художественного времени Д. С. Лихачева», в котором докладчик обратился к проблеме поэтики времени в произведениях житийного жанра. Он подчеркнул, что жи-

тие, занимая особое место в культурной традиции, прежде всего адресовано слушателю: «Послушайте, братия, со всяцѣм вниманием...» — обычное обращение в памятниках этого жанра. В житиях время повествуемого, выраженное аористом или имперфектом, существует со временем повествователя, толкующего события прошлого и устанавливающего связи со временем вечным; библейские цитаты здесь являются отсылками ко времени Бога и объединяют категорию времени в единое целое (словно вертикаль, движущаяся по горизонтالي повествования). В пророчествах святых события конечного времени жизни праведника раскрываются с точки зрения времени универсального, ему открывшегося; эсхатологическое же время — это пересечение прошлого и настоящего перед лицом Суда Божьего.

Доклад канд. филол. наук Т. Р. Руди (ИРЛИ) «Об одной талмудической параллели к „апокрифическому“ Житию Василия Блаженного» был посвящен важной проблеме книжно-литературных аллюзий в тексте, связанном с фольклором. Прежде уже отмечалось наличие большого количества фольклорных образов и мотивов в особой редакции Жития московского юродивого; в настоящем докладе исследовательница обратилась к конкретному анализу того фрагмента Жития, в котором содержится рассказ о человеке, заказавшем у сапожника, чьим учеником был Василий, сапоги, которые прослужили бы ему год. Связь этого эпизода с загадочной-притчей о человеке, выбиравшем сапоги, из «Повести о Соломоне и Китоврасе» оказалась не единственной. С этим же сюжетом связана талмудическая легенда об Асмодее (прообразе Китовраса). Подчеркнув, что «апокрифическая» редакция Жития Василия Блаженного не имеет текстовых заимствований из более ранних памятников, Т. Р. Руди высказала предположение о широком проникновении книжного сюжета в народные легенды, откуда он попадал в литературные памятники (одна из легенд — об ангеле Афанайле, была записана архангельскими крестьянами для Л. Н. Толстого).

Профессор Санкт-Петербургской государственной консерватории А. Н. Кручинина сделала доклад «Песнопения Варлааму Хутыньскому в певческих рукописях XV—XVIII веков», перед чтением которого с благодарностью отметила уникальную роль Д. С. Лихачева в деле сохранения школы М. В. Бразникова (руководство Консерватории собиралось распустить семинар музыковедов-древников после смерти Бразникова). Как показала исследовательница, среди сохранившихся списков Службы Варлааму Хутыньскому нет ни одного целиком нотированного текста. Рассказав об особенностях нотации Службы, докладчица отметила, что вопросы взаимоотношения нотированных списков требуют дальнейшего изучения.

⁶ Дмитрий Лихачев и его эпоха: Воспоминания. Эссе. Документы. Фотографии / Сост. Е. Г. Володашкин. СПб., 2006.

В докладе канд. филол. наук В. И. Охотниковой (Псковский гос. пед. университет) «„Мысленное древо” в „Слове о полку Игореве”» был рассмотрен образ, прежде знакомый только по тексту Слова (в картотеке древнерусского языка это словосочетание не зафиксировано). Анализируя текст Службы Ефросину Псковскому, написанной Василием-Варлаамом, исследовательница заметила повторяющийся во многих списках Службы (5-я песнь Канона) образ «древа жизненного», явно восходящий к библейскому «древу жизни». Этот троп в Службе устойчив, однако в рукописи 1547—1549 годов (ГИМ, собр. Егорова, № 938) в 5-й песни читается: «древо мысленное». В гимнографии образ «древа мысленного» оказался достаточно продуктивным, по мнению исследовательницы, возможно, и в «Слове о полку Игореве» он попал из какого-то неизвестного нам гимнографического источника.

Доктор филол. наук Е. М. Юхименко (ГИМ) выступила с докладом «„Слово воспоминательное о святых чудотворцах, в России воссиявших” Семена Денисова как отражение культурно-агиографических начинаний Выга», в котором проанализировала памятник известного старообрядческого писателя в контексте сложившегося в начале XVIII века типа Выговской культуры. Отметив, что постоянная и целенаправленная работа по сбору редких житийных текстов и устных сведений о местночтимых подвижниках и святых различных регионов России влияла на литературное творчество выговцев, исследовательница сравнила Слово Семена Денисова с предшествующей литературной традицией (Словом Григория Суздальского и Похвальным словом Сергия Шелонина) и пришла к выводу об абсолютной самостоятельности (с точки зрения возможного заимствования текстов) старообрядческого автора, представившего в своем сочинении самый богатый численно свод имен русских святых, которым в его Слове воздается похвала.

В докладе Н. В. Понырко «Агиографический проект Отдела древнерусской литературы» были представлены итоги работы сотрудников Отдела над новым проектом. На основе сплошного просмотра рукописей из собраний книгохранилищ Петербурга была создана картотека, на момент доклада насчитывавшая 18 000 агиографических записей. Н. В. Понырко познакомила коллег с принципами описания и возможностями поиска в компьютерной версии агиографического проекта и отметила, что планируемое в перспективе печатное издание материалов станет наиболее полным каталогом памятников русской агиографии.

На этом заседании были представлены три стендовых доклада. Канд. филол. наук М. А. Федотова (ИРЛИ) в докладе «Жития древнерусских столпников» проанализировала круг древнерусских памятников, соотносимых с понятием столпничества (этот вид

аскетического подвига связан с именами Кириллы Туровского, Никиты Переяславского и Саввы Вишерского). В русской традиции столп был заменен срубом или затвором и мог быть одним из видов подвига святого. На основе анализа истории текстов каждого из житий и их структурных особенностей исследовательница пришла к выводу, что на Руси не существовало особого типа «столпнического» жития, они ориентированы на общий агиографический канон.

Доклад канд. филол. наук И. А. Лобаковой (ИРЛИ) «„Учитель—ученик” как повествовательная модель в русской агиографии» был посвящен одной из проблем поэтики древнерусской литературы. В работе было рассмотрено превращение сюжетобразующего мотива (личное воспоминание ученика о своем учителе, включаемое, как правило, в этикетный раздел жития, повествующий о прижизненных чудесах святого) в особый художественный прием, определяющий композицию памятника (впервые это произошло в «Записке» инока Иннокентия о последних днях Пафнутия Боровского). Отмечены различные формы бытования такой модели в житиях XVII века.

Доктор филол. наук С. А. Фомичев (ИРЛИ) в докладе «„Жития и похвалы святых подобяются свѣтлостию звездам” (Пушкин и русская агиография)» поделился своими соображениями о некоторых агиографических параллелях, усматриваемых им в творчестве Пушкина.

На вечернем заседании 29 ноября первым прозвучал доклад канд. искусствоведения О. М. Иоанниясна (Государственный Эрмитаж) «Владимирские князья и Западная Европа: опыт исторической реконструкции», который был посвящен анализу связей Руси и Северной Италии в области храмового строительства. Основываясь на тезисе Д. С. Лихачева и Н. Н. Воронина о том, что «архитектура может рассматриваться в качестве исторического источника», исследователь отметил ряд очевидных соответствий в архитектурных памятниках Владимирского княжества и Павии. Наиболее активно европейско-русские контакты осуществлялись при Андрее Боголюбском и Всеволоде Большое Гнездо, когда архитекторы, присланные из Северной Италии Фридрихом Барбароссой, вели строительство во Владимире и Боголюбове; вместе с ними работали резчики из Аквитании.

Профессор университета Перуджи М. Б. Плоханова сделала доклад «Послание на Угру Вассиана Рыло: вопросы происхождения и первоначального назначения». Основной послания, как показала исследовательница, были Послания византийских патриархов. Вассиан Рыло, епископ Ростовский, был причастен к составлению Ростовского свода (Типографской летописи), в котором рассказ о стоянии на Угре отличает страстно-личный характер восприятия событий, ярко выраженная вражда к Палеологам. По

убеждению составителя свода, государи, бросившие свою землю, — грешники, а те, кто оставил ее неверным, — враги всем христианам. После победы при московском великокняжеском дворе партии Палеологов в 1499 году и смерти великого князя Дмитрия Ивановича, внука Ивана III, в Ростовском своде меняется тональность изложения событий. Исследовательница предположила, что Послание на Угру было составлено в Кирилло-Белозерском монастыре ученым греком из окружения Софьи Палеолог, так как в памятнике декларируется необходимость помощи всем, кто попал под власть мусульман (т. е. в том числе и Византийской империи).

В докладе профессора Кристиана Ханника «Антиеретические трактаты Максима Грека в традиции византийской полемики» был проанализирован принцип построения полемических сочинений ученого монаха. Отметим, что антиеретические послания занимают в творчестве книжника не очень большое место (против эллинов — 3, против иудеев — 1, против латинян — 10, против магометан — 2, против армянской ереси — 1), К. Ханник показал, что Максим Грек опирался при их создании на византийские антиеретические сочинения. В своих посланиях, как показал исследователь, Максим Грек выступал не столько как богослов, сколько как филолог: он собирал факты и тексты, искал параллели, а не аргументы *contra*.

Витторิโอ Томеллари (Италия, Сассари) выступил с докладом «Средневековая латинская традиция в Московской Руси: *Doctrinale Alexandri de Villa Dei*». Исследователь проанализировал принципы перевода учебника латинского языка, чрезвычайно распространенного в Европе в XIII—XVI веках. Содержание грамматических правил в этом учебнике излагалось гекзаметром (более 2000 стихов) и было доступным для людей, уже владеющих латынью. В учебнике 4 раздела: морфология, синтаксис, просодия, риторические образы. Русский перевод свидетельствовал о стремлении переводчиков к точности (смысловой, а часто и морфологической), о попытках найти адекватные художественные средства при переложении чужого текста.

Л. А. Ольшевская (Москва) представляла на конференции проделанную совместно с С. Н. Травниковым работу. Их материалы были изложены в докладе «„Хождение в Святую землю“ Иоанна Лукьянова: проблемы истории текста памятника». Благодаря архивным изысканиям, исследователям удалось обнаружить «Дело об отпуске Иоанна Лукьянова» 1701 года в Посольском приказе, расширившее круг материалов к биографии писателя. Есть основания полагать, считают авторы доклада, что священик Иоанн Лукьянов и инок Леонтий — это все же два разных лица, а не один человек, в миру носивший одно имя, а после иноческого пострижения получивший второе. Проанализиро-

вав две редакции Хождения, исследователи пришли к выводу, что вторая редакция «снимала» в тексте первоисточника все личностное, ярко-событийное, имевшиеся эстетические оценки мусульманской архитектуры, зарисовки природы, эмоциональные переживания, распространяя текст своего первоисточника риторическими приемами и традиционными этикетными формулами, а также фрагментами из «Хождения» Трифона Коробейникова.

Профессор Флорентийского университета Марчелло Гардзанити сделал доклад «„Хождение“ Афанасия Никитина и литература хождений в культурном наследии Древней Руси». Исследователь подчеркнул, что попытки найти торговые пути в Индию в начале XV века предпринимали испанские, португальские, итальянские и русские купцы. Мысль об Индии как об идеальном монашеском мире (см. Повесть о Варлааме и Иоасафе, Повесть о брахманах) развилась в мысль о рае. По мнению итальянского ученого, Афанасий пишет не столько об опасностях ассимиляции в мусульманском мире одинокого христианина, сколько рассказывает о личном странствии по «чужому» миру.

Канд. филол. наук И. В. Федорова (ИРЛИ) в докладе «Русская паломническая литература XVII века: тенденции развития» проанализировала основные процессы, произошедшие в памятниках традиционного жанра в «переходный век». Наряду с сохранившимся интересом к традиционным редакциям Хождений, что отразилось в наличии значительного количества списков, датированных этим временем, появятся новые редакции, представляющие собой переработки текстов Хождения в путеводители по Святой земле (проскитиарии были распространены в западноевропейской традиции, но до XVII века не использовались на Руси для описания паломничества).

В последний день конференции с утра работали две секции — «Летописи. Сборники» и «Переходный век в истории русской литературы».

Первая часть заседания секции «Летописи. Сборники», посвященная изучению летописания, открылась докладом академика АН Украины П. П. Толочко (Киев) «Летописные известия о походах Святослава на Дунай и их источники». Указав, что письменная фиксация рассказов о болгарских походах Святослава произошла вскоре после самих событий (по мнению исследователя, они попали в летописный свод Десятинной церкви 1096 года), докладчик более подробно остановился на вопросе об их возможных источниках.

Доклад канд. филол. наук А. А. Гиппиуса (Институт славяноведения и балканистики РАН) «К вопросу об эсхатологизме начального древнерусского летописания» был посвящен уточнению места эсхатологических мотивов в истории композиции «Повести

временных лет». Концепции И. Н. Данилевского, видящего в эсхатологизме идеологическое начало, объединяющее текст ПВЛ в целом, А. А. Гиппиус противопоставил более дифференцированный подход, направленный на выявление того этапа сложения текста, в отношении которого эсхатологическая идея, по мнению автора, действительно играла объединяющую роль. По мысли докладчика, таким этапом был киевский Начальный свод 1090-х годов, в котором, как считает автор, история Руси была впервые рассмотрена в эсхатологической перспективе, как история страны, избранной Богом в «последнее время».

В докладе чл.-корр. АН Украины Н. Ф. Котляра (Киев) «Церемониал, этикет и развлечения двора Галича в XIII в. (по Галицко-Волынской летописи)» основное внимание было уделено анализу тех фрагментов Галицко-Волынской летописи, которые описывают пиры и династические браки, а также фигуре «словутного певца» Митусы.

Следующим прозвучал доклад доктора филол. наук Г. М. Прохорова (ИРЛИ) «Летописание эпохи Куликовской битвы: Лаврентьевская летопись и „Летописец Великий Русский“». Анализ отсылки к «Летописцу Великому Русскому» Троицкой летописи приводит автора работы к заключению, что в узнаваемом виде этот летописец сохраняется в Рогожском летописце. Есть основания думать, что у «Летописца Великого Русского» было сильно сокращенное начало; именно таково начало Рогожского летописца, где развернутое изложение начинается с XIV века. Вероятно, Рогожский летописец был составлен в 1375 году после захвата московскими войсками Твери, когда в московскую летопись была влита тверская, что делало московское летописание «великорусским». Создание же в 1377 году Лаврентьевской летописи с ее полным текстом «Повести временных лет» и владимирской летописи, охватывающей события по начало XIV века, с ее рассказом о Батыевом нашествии, представляется докладчику реакцией на создание в Москве «Летописца Великого Русского».

Завершал первую часть заседания доклад В. Ю. Франчук (Украина, Киев) «Текстологический треугольник Д. С. Лихачева: ситуационные концепты», в котором на материале «Слова о полку Игореве», «Задонщины» и «Сказания о Мамаевом побоище» были рассмотрены концепты «русские воины», «Бог» и «бог».

Вторая часть этого заседания секции была посвящена проблемам изучения сборников разного типа, преимущественно устойчивого состава.

Канд. филол. наук С. А. Семячко (ИРЛИ) представила слушателям доклад «Патерик и Старчество». Термин «старчество» применялся на Руси по отношению как к патерикам, так и к нравственно-дисциплинарным сборникам относительно устойчивого состава, регламентирующим отношения

между новоначальным монахом и его наставником, старцем. Проанализировав сферу употребления греческого понятия *γερωνικόν*, докладчица признала, что наиболее убедительной из всех высказанных ранее является точка зрения В. Федера, относившего понятие «старчество» к Азбучно-Иерусалимскому патерику. Однако, придя на Русь как термин видовой вместе с тем явлением, которое он обозначал, «старчество» постепенно приобрело родовое значение, фактически став синонимом понятия «патерик» в его родовом значении. Таким образом в поздних рукописях заголовок «От Старчества» могли приобретать статьи, никакого отношения не имевшие к греческому геронтику, ставшему второй частью славянского Азбучно-Иерусалимского патерика. Переводные патерики имели важное значение для воспроизводства монашества на Руси до тех пор, пока в монашеской жизни преобладала традиция, ориентированная на особожительство. Когда же стали возникать одна за другой кинонии, обнаружилась и недостаточность древних патериков, повествующих о скитском житии, для организации и функционирования общечестельства. Именно к этому периоду активного распространения общечестельства, к концу XIV—XV веков, и относится, по мнению исследовательницы, формирование нравственно-дисциплинарного сборника «Старчество», являющегося, по сути, методическим пособием для старца—наставника новоначального инока. Докладчица продемонстрировала генетическую зависимость сборника «Старчество» от переводных патериков, сделав вывод: сборник «Старчество» позаимствовал свое название у одного из патериков именно потому, что занял его место, стал выполнять его функцию — функцию регламентирования отношений между наставником и новопостриженным монахом.

Доклад доктора филол. наук Н. В. Савельевой (ИРЛИ) «Древнерусский сборник „Жемчужная матица“» был посвящен типологическому анализу названного сборника. Изучение 7 рукописей XVI—XVII веков, имеющих такое название, позволило впервые определить самостоятельный характер этого сборника, отличного от известного еще с XIX века сборника календарного типа «Златая матица». Сборник «Жемчужная матица» типологически соотносим, с одной стороны, с некалендарными дидактическими сборниками «Златая цепь» и «Измарагд», с другой — с рядом широко распространенных на Руси толковых сборников. Эти сборники имеют открытую структуру, тексты легко могут добавляться к их составу или изыматься из них в соответствии с потребностями переписчика. Основу этих сборников составляют не выписки из крупных произведений на различные темы, но самостоятельные статьи, в которых в лаконичной и доступной форме даются ответы на самые различные вопросы, интересующие читателя. Этот тип келейно-

го сборника в наибольшей степени зависим от личных пристрастий и потребностей каждого составителя. И если малое распространение «Златой матицы» можно объяснить вытеснением сборника такого типа устойчивыми календарными сборниками Златоуст и Торжественник, то ограниченное число списков «Жемчужной матицы» объясняется именно невозможностью адекватного определения сборников, зависящих от вкусов каждого составителя и в процессе бытования способных изменяться до неузнаваемости.

Канд. филол. наук Б. М. Пудалов (Нижний Новгород) предложил вниманию слушателей доклад на тему «Изменения в составе сборника „Измарагд“ (причины, типология, региональные варианты)». Он отметил, что особенности жанра учительного сборника «Измарагд» — прежде всего некалендарный характер и композиционная нечеткость — позволяли при сохранении устойчивого состава статей вносить в него некоторые изменения. Обычно изменения, не затрагивавшие текста традиционных глав, сводились к прибавлению или исключению нескольких дополнительных статей в конце или, реже, середине сборника. Из 135 списков 2-й («Основной») редакции Измарагда 112 списков XV—начала XIX века содержат более или менее значительные изменения в устойчивом составе статей, в том числе 57 списков (чуть больше половины) обнаруживают повторяемость, схожесть изменений. Благодаря этому выявлены варианты Основной редакции — группы списков, для которых характерны одинаковые изменения устойчивого состава (дополнения, сокращения, перестановки традиционных глав). В докладе были проанализированы три варианта Основной редакции Измарагда, возникшие, по предположению автора, в Кирилло-Белозерском монастыре в конце XV—XVI веках. Анализ текста вариантов позволил проследить влияние Кирилло-Белозерского монастыря на формирование региональной книжной традиции в Вологодском, Ярославском, Галицком и Юрьевецком уездах. Индивидуальные изменения, встречающиеся в списках Измарагда, определялись предназначением конкретного списка и происходили преимущественно в двух направлениях: 1) в состав «домовых» церковных списков вносились дополнительные статьи, связанные с потребностями церковной службы и восходящие к Торжественникам; 2) состав списков, предназначенных для келейного чтения, пополнялся поучениями и назидательными рассказами, в том числе апокрифического происхождения.

В качестве стеновых на секции «Летописи. Сборники» были представлены пять докладов.

Доктор филол. наук А. А. Шайкин (Орел) представил доклад «Названия и вводные тексты Новгородской первой летописи младшего извода и Повести временных лет:

идеология и повествование». Рассмотрение дополнений и перестановок текста в Повести временных лет по сравнению с Начальным сводом демонстрирует зрелость идейно-композиционного замысла автора Повести временных лет, размыкающего нижние границы отечественной истории в глубь истории всемирной. Перед нами не только количественное увеличение повествовательного материала: сопряжение отечественной и библейской истории свидетельствует о новой концепции места Руси в христианском мире, складывающейся на рубеже XI—XII веков.

В докладе канд. исторических наук А. В. Сиренова (СПбГУ) «Материалы к составлению Книги Степенной в составе Патриаршей редакции родословной книги» был рассмотрен вопрос о соотношении «Книги Степенной царского родословия» и одного из вариантов родословной книги, который также носит название «Книга Степенная» и представляет собой черновые материалы к составлению какого-то произведения, посвященного генеалогии Рюриковичей — прямых предков Ивана Грозного. С созданной в 60-е годы XVI века «Степенной книгой царского родословия» это произведение текстуально не связано. Имеющаяся тематическая близость, а также сходство в приемах составления позволяют предположить, что перед нами черновые, подготовительные материалы к составлению Степенной книги.

Канд. исторических наук М. А. Шибаяев (РНБ) в докладе «Библиотека Кирилло-Белозерского монастыря XV века: вопросы изучения и атрибуции» высказал мысль, что XV век является самым перспективным и наиболее благоприятным для комплексного историко-кодикологического исследования древнерусских рукописей (XIV век дает слишком мало рукописей русского происхождения, написанных в одном книгописном центре, а XVI — напротив, слишком много, для того, чтобы в рамках одного исследования изучить все рукописи, относящиеся к этому периоду). Для изучения книжного дела в России с XV века наиболее подходящим является исследование библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря, во-первых, в силу хорошей сохранности его книг (в Отделе рукописей РНБ сохранилась большая часть книжного наследия монастыря), во-вторых, благодаря наличию инвентарной описи и подробных черновой и белой описей монастырской библиотеки конца XV века. По мнению докладчика, для атрибуции рукописей монастырской библиотеки наиболее важными являются два аспекта: 1) изучение и идентификация почерков древнерусских писцов и атрибуция конкретным писцам тех или иных кодексов; 2) изучение филиграней. Подводя итоги своей более чем десятилетней работы, автор доклада сообщил, что из упомянутых в описи XV века 212 рукописей им атрибутировано около 140. Это позволяет сделать вывод, что монастырская библиотека

может быть реконструирована практически полностью, а количество сохранившихся до наших дней рукописей, вероятно, составит 80—90 % от числа имевшихся в монастыре на конец XV века.

С темой второй части заседания секции был тесно связан доклад канд. филол. наук И. М. Грицевской (Нижний Новгород) «Сборники келейного чтения (место в системе древнерусской книжности; попытка классификации)». Исследовательница разделила, вслед за О. В. Твороговым и Т. В. Черторицкой, все книги на служебные и четьи, четьи же сборники — на уставные и келейные, предложив три вида классификации келейных сборников: типологическую (сборники устойчивого, неустойчивого и индивидуального состава), структурную (сборники-своды и центонные сборники) и жанрово-тематическую (сборники энциклопедического состава, аскетические сборники, сборники библейских книг, толковые сборники, сборники типа «Старчество», обращенные к монахам и их наставникам, игуменские сборники).

Канд. исторических наук А. А. Романова (БАН) представила доклад «О русской библиографии XVI—XVII вв.: вопрос терминологии и источников», который вырос из комментария к одному из разделов недавно подготовленного издания книги Н. В. Здобнова «История русской библиографии до начала XX века».

Секция «Переходный век в истории русской литературы» начала свою работу с доклада профессора Новосибирского гос. университета Е. И. Дергачевой-Скоп «Некоторые аспекты текстологии литературных произведений на фольклорной основе (Повесть о куре и лисице)», которая обратилась к анализу изменений в тексте памятников, выросших из устной повествовательной традиции. По мнению докладчицы, произведения, созданные на фольклорной основе, более устойчивы в текстологическом отношении, чем представлялось прежде. Возможно, это связано с закрепленностью повествовательной формы в фольклоре (четкость организации сюжета, устойчивые словесные формулы, лаконизм изложения). В литературной истории произведения можно лишь отметить тенденцию к сокращению и упрощению сюжетной линии.

В докладе чл.-корр. РАН Е. К. Ромодановской (Новосибирск) «Символические толкования прикладов в „Римских деяниях“» были представлены наблюдения над композиционными и смысловыми особенностями переводного памятника, в котором заглавие и текст, как правило, образуют двухчастную композицию, где заглавие является тезисом, текст — его иллюстрацией, а толкование «расшифровывает» заглавие. Исследовательница настаивала на необходимости публикации «Римских деяний» вместе с христианско-символическими толкованиями. В докладе была отмечена сложность значений

символических образов, часто оппозиционных друг другу, в толкованиях (так, например, символический образ цесаря может обозначать и Христа, и Бога, и доброго христианина, и власть; образ рыцаря — и Христа, и добродетель, и человеческую похоть, и жадность; образ змеи — грех, зло, дьявола, священника, мудрое провидение и т. д.). Смысл толкования может противоречить тексту. Неоднозначность и сложность памятника дают возможность увидеть подвижность эстетических границ «переходного» века.

«Древнерусская повествовательная литература в редакциях XVIII века (на примере сборников из коллекции ИРЛИ, БАН и РНБ)» — такова была тема доклада профессора Элизы Малек (Польша, Лодзь). Подчеркнув, что в XVIII веке новая литература существует со средневековой, то совпадая с ее принципами, то споря с ними, исследовательница поставила себе задачу рассмотреть приемы редактирования сборников с точки зрения порождения текста. Основным редакторским приемом была названа контаминация. Рассмотрев «Повесть о двух товарищах», Э. Малек отметила, что заимствования из интермедии «О повреждении нравов» занимают примерно четверть текста повести. В результате жена сапожника заговорила языком Дамы из интермедии, что в сочетании с сюжетом и стилистическими переходами в речи героя (от просторечно-нежного «лапушка», «дружок» до высокого «Я хочу, чтоб всегда зрели ты мои очи») дает дополнительный комический эффект. Исследовательницей был отмечен также прием перехода от прозы к рашному стиху, при этом «блоки» переводов кочуют из произведения в произведение. Прием различного именования одного и того же произведения позволял включать его в различные сборники как «новое».

Доктор филол. наук С. И. Николаев (ИРЛИ) сделал доклад «От „видений“ XVII в. к „литературным снам“ XVIII в.». Ему удалось показать связи такого устойчивого жанра, как средневековое видение, с новой для русской литературы повествовательной формой — «сном». Функция этого приема у авторов, как показал исследователь, различна: сон — утопия у А. Н. Радищева; сон — литературная история и «запись» приснившейся во сне комедии у В. П. Лукина. В поэзии Г. Р. Державина такие разные произведения, как «Пенка», «Видение Плениры», «Бог», — все предваряются описанием сна. «Литературный сон» становится своеобразной «творческой лабораторией» автора, в которую допущен читатель.

Доклад доктора филол. наук Л. И. Сазоновой (ИМЛИ) «Триумфальная квадрига Стефана Яворского между колесницей Иезекииля и птицы-тройкой Гоголя» был посвящен анализу содержания образа колесницы в русской словесной культуре. Подчеркнув, что крылатая колесница пророка Иезекииля рас-

крывала в библейском контексте смысл славы Божьей, исследовательница отметила, что литературные толкования этого образа были различны. Впервые символическое истолкование библейской колесницы как атрибута триумфа римского императора было предложено Амвросием Медиоланским. Стефан Яворский, опираясь и на библейский первоисточник, и на толкование Амвросия, создает собственный многоуровневый символ: триумфальное шествие Петра I на крылатой колеснице представляет у него апофеоз государственности. Отождествление колесницы с государством и народом, апофеоз России — вот главное, что связывает птицу-тройку Н. В. Гоголя с образом Стефана Яворского. Исследовательница продемонстрировала образные соответствия птицы-тройки с библейской колесницей и ее литературными интерпретациями.

Представленный на этом заседании стендовый доклад доктора филол. наук А. В. Пигина (Петрозаводский гос. университет) «Древнерусская и фольклорная легенда в поэме Арсения Несмелова „Прощенный бес“» был посвящен анализу созданного в 1941 году произведения писателя-эмигранта, участника Белого движения. Исследователь установил книжно-рукописные и фольклорные источники поэмы: мифологические рассказы о Лешем, Бабе-яге, легенды о Николае Угоднике, о граде Китеже, эсхатологические тексты. Особое внимание было уделено анализу сюжета о покаянии беса, известному по повести о бесе Зерефере и старообрядческим повестям XIX—XX веков. Поэму отличает тонкая игра ассоциациями, воссоздание духа русской старины, вера в любовь и победу добра, что делает творение А. Несмелова одним из лучших произведений, основанных на христианских легендах, в литературе XX века.

Академик В. Л. Янин (Москва) открыл последнее заседание конференции докладом «Новгородские берестяные грамоты из раскопок последних лет». С 1951 года в Новгороде было найдено 960 берестяных грамот, самая древняя из которых датируется 1030-ми годами. Если к домонгольскому времени можно отнести очень немного оригинальных пергаменных книг, то берестяных грамот того же времени в Новгороде найдено около 400. Исследователь проанализировал тексты трех грамот, как всегда, соотнеся содержащиеся в них известия с летописными сообщениями, что позволило воссоздать условия написания этих грамот, обстоятельства, предшествовавшие и следовавшие за созданием текста,

обнаружить «фрагменты» биографий участников переписки.

В докладе профессора СПбГУ Т. В. Рождественской «Древнерусская эпиграфика в свете новейших исследований» были представлены итоги изучения типов настенных текстов, обнаруженных в храмах. Исследовательница показала, что графическое исполнение найденной в Новгороде церы начала X века имеет ряд подобий с графикой Симеоновской Преславской школы (тексты на металлических или свинцовых пластинках, стенах скального монастыря).

Заведующая Ферапонтовского музея-заповедника М. С. Серебрякова представила доклад «О посвящении древнерусских церковных престолов (по материалам летописей)», в котором было предложено статистическое исследование упоминаний о храмовом строительстве в русских летописях (в основном, новгородских). Относительность подобной статистики, как отметила докладчица, очевидна: далеко не все храмы упоминаются в письменных источниках, однако она может дать некоторое представление о тенденциях именования храмовых престолов.

Доклад профессора Райнера Штихеля (Германия, Мюнстер) «Покаянные стихи Альфреда Шнитке» был посвящен анализу источников творчества великого композитора. Многие русские духовные стихи опирались на византийскую литургическую традицию. Проведя сопоставление с образцами греческой гимнографии, исследователь отметил особенности русского перевода, его художественную целостность и точность. Покаянные стихи «Плакася Адам пред раем съдя: „Раю мой, раю, прекрасный раю“...», «Зрю тя, гробе, и ужасаюся...», «Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть...» нашли отражение у Г. Р. Державина («Успокоенное неверие»), А. П. Сумарокова («Плачу и рыдаю»), В. К. Кюхельбекера («Надгробие»). Эти же стихи были положены на музыку А. Шнитке. Духовная музыка композитора имела опору в литургии Иоанна Златоуста.

По окончании заседания, подводя итоги работы, участники форума отметили не только исключительно высокий научный уровень конференции, но и ту особую атмосферу дружества, взаимной заинтересованности, созданием которой мы все обязаны Д. С. Лихачеву. Материалы конференции будут опубликованы в т. 61 ТОДРЛ.

© И. А. Лобкова,
© С. А. Семячко